

РОЛЬ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА В НАРРАТИВНОЙ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ

Костева Виктория Михайловна

*д-р филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет
vmkosteva@gmail.com*

THE ROLE OF NEWSPAPER DISCOURSE IN NARRATIVE LINGVO HISTORYOGRAPHY

V. Kosteva

Summary: This article deals with newspaper discourse as an integral part of the empirical base of modern narrative linguohistoryography – one of the promising areas of the history of linguistic teachings. The analysis involves the material of the Soviet press (newspapers «Pravda», «Izvestia», «Literary Newspaper») of the period 1929–1950, containing publications on linguistic topics. Using concrete examples, the author traces the discussions of linguistic topics from the point of view of the participants of the discourse, identifies discursive practices typical of the specified historical period. The focus of attention is the controversy with G.G. Špet, E.D. Polivanov's conflict with N.Ya. Marr, issues of spelling reform of the late 1920s – early 1930s. The article also notes special clichés and other rhetorical techniques used to convey the required attitude to linguistic issues or concepts of scientists. Despite the small number of publications on linguistic issues, it seems that the newspaper narrative contributes to the recreation of the spirit of the era, which necessitates its involvement in the historical context of narrative historyography, the purpose of which is to present the most complete and objective picture of a certain stage of the history of linguistics.

Keywords: narrative, discourse, discursive practice, speech cliché, historical context, spelling, punctuation, article, note.

Аннотация: В данной статье рассматривается газетный дискурс как составная часть эмпирической базы современной нарративной лингвоисториографии – одного из перспективных направлений истории лингвистических учений. К анализу привлекается материал советской прессы (газеты «Правда», «Известия», «Литературная газета») периода 1929–1950 гг., содержащих публикации на лингвистические темы. На конкретных примерах автор прослеживает обсуждения лингвистической тематики с точки зрения участников дискурса, выявляет дискурсивные практики, типичные для данного исторического периода. В центре внимания – полемика с Г.Г. Шпетом, конфликт Е.Д. Поливанова с Н.Я. Марром, вопросы орфографической реформы конца 1920–1930-х гг. В статье отмечаются также особые клише и иные риторические приемы, используемые для передачи требуемого отношения к лингвистическим вопросам или концепциям ученых. Несмотря на небольшое количество публикаций по языковым вопросам, газетный нарратив способствует воссозданию духа эпохи, что обуславливает необходимость его привлечения для исторического контекста нарративной историографии, цель которой заключается в представлении наиболее полной и объективной картины определенного этапа истории языкознания.

Ключевые слова: нарратив, дискурс, дискурсивная практика, речевое клише, исторический контекст, орфография, пунктуация, статья, заметка.

Одним из современных методов описания истории языкознания, претендующих на наибольшую степень объективности, является нарративный лингвоисториографический подход, основателем которого считают немецкого ученого П. Шмиттера (1943–2006). Исследовательская работа в этом ключе предусматривает несколько этапов. Наиболее важным нам представляется создание эмпирической базы исследования, которая является основой для реконструкции фактов и их дальнейшей интерпретации. Обращение к разным источникам, среди которых оригинальные научные труды, учебники соответствующей эпохи, документы законодательного характера, архивные данные, словарные издания, мемуары, личные дневники и др. [5, с. 8–9], позволяют сформировать «исторический и личностный контекст» [20, с. 125] определенного периода развития языкознания.

В силу своей специфики газетный дискурс представляется наиболее важным элементом историографического описания лингвистики, так как содержит

официальную точку зрения на те или иные проблемы теоретического и прикладного языкознания, с одной стороны, а с другой – позволяет вычленить дискурсивные практики той или иной эпохи (в трактовке М. Фуко). Нарративная лингвоисториография предполагает также работу с нарративными методами анализа дискурса. Обращаясь к газетному дискурсу, отметим, что его основной особенностью является фактуализация событий, целью которой является целенаправленное направление внимания читателей на представленные факты и вовлечение массовой читательской аудитории в область данной тематики. При этом, последний процесс имеет две направленности: «социально-ситуативного плана» и «плана личностного» [21, с. 87]. В конечном итоге, все это приводит к формированию устойчивой точки зрения, как индивида, так и коллективов на то или иное событие.

В фокусе нашего внимания – публикации в официальной советской прессе периода 1929–1950 гг. на лингвистические темы. Дискуссии в той или иной отрасли науки, в том числе языкознания, не раз становились объектом

пристального внимания СМИ. При освещении лингвистических вопросов газеты, как правило, выступали в двойной роли: с одной стороны они информировали читателей о языковедческих проблемах преимущественно прикладного характера, например, о недостатках учебников по языкознанию, о проблемах обучения русскому языку, о планируемых орфографических реформах, с другой – продвигали идеологическую составляющую государственной политики и формировали требуемое отношение как к отдельному лингвисту, так и к какой-либо концепции в целом. Использование авторитета СМИ для продвижения языковой политики можно представить как дискурсивную практику истории лингвистики, которая помогает представить деятельность ученых-лингвистов в условиях конкретной исторической ситуации и определить условия создания той или иной концепции [5]. Газетный нарратив обладает обширным арсеналом речевых средств, позволяющих выполнить различные установки, связанные либо с поддержкой ученого или проекта, либо с критикой отдельных персоналий и концепций. Большую роль при этом играют речевые клише, обороты, имеющие ярко выраженный идеологически политизированный характер.

Обратимся к конкретным примерам и представим газетную дискуссию между редактором Литературной газеты С.И. Канатчиковым и философом, психологом Г.Г. Шпетом. Строго говоря, речь не шла о научных дебатах в традиционном ключе, это был скорее диалог: Шпет попытался представить широкой публике свою концепцию, подвергнувшись критике А.В. Луначарского на заседании актива ЗИФа, стенограмма выступления которого под названием «Наши задачи в области художественной литературы» была также опубликована в «Литературной газете» 28 октября 1929 года. Называя сочинения Шпета «вреднейшими», Луначарский упоминает «тов. Михайлова», который «защищает эти вреднейшие произведения» [6, с. 2]. Очевидно, в текст статьи вкралась опечатка, так как в изданной позднее брошюре «тов. Михайлов» был заменен на «тов. Григорьева» [16], который действительно опубликовал рецензию на книгу Шпета «Внутренняя форма слова» [1].

В духе того времени, пытаясь защитить себя, М.С. Григорьев был вынужден написать вторую статью, в которой подверг резкой критике научные штудии Шпета. В духе политической семантики того времени он использует такие речевые обороты, как «разоблачение метода», «абстрактно-фаталистическое представление», называет теорию Шпета «квизитической и враждебной современности», а введенные автором понятия считает «бесплодными для литературоведения» [8, с. 4].

Открытое письмо Шпета в редакцию «Литературной газеты» начиналось словами о досадном недоразумении, которое «вкралось при характеристике его фило-

софской позиции». Остановливаясь на положениях, которые стали объектом критики, Шпет последовательно излагает свою концепцию, указывая, например на то, что он не является сторонником субъективного идеализма. В этом же абзаце автор прямо говорит о «жестоких по своим жизненным последствиям нападкам и приписываемым ему взглядам, которые он не разделяет». Отметим также строго научный характер изложения, присутствие рассуждений, например, в объяснении понятия «образа», рассмотрение разных точек зрения на проблему и т.д. Письмо завершается фразой «с совершенным уважением».

Сразу под письмом Шпета был помещен ответ главного редактора С.И. Канатчикова. Резко агрессивное начало задает тон последующим высказываниям: «Изложенное утверждение в письме далеко не соответствует тому, что проповедовал в своих работах Шпет». Далее Канатчиков подробно останавливается на отдельных положениях концепции, демонстрируя при этом хорошее знание основных работ Шпета. В их число входят статьи из ежегодника «Мысль и слово», «Эстетические фрагменты». Цитаты, приведенные из работ Шпета, подобраны так, чтобы у читателей не осталось сомнений в мистическом характере его концепции, при этом речь идет не просто о мистике, а о мистике реакционной. Канатчиков особо выделяет положение о материи, которую Шпет называет «чистым небытием, ее неосознаваемостью» и противопоставляет иное (ленинское) восприятие материи, реально существующей независимо от нас и вне нас. Резюмируя все сказанное, Канатчиков завершает статью предложением: «Философия Шпета должна быть решительно изгнана как идеология отжившего прошлого, затемняющая сознание трудящихся» [9, с. 2].

Издание книги Е.Д. Поливанова «За марксистскую лингвистику» и связанная с ней далее развернувшаяся дискуссия нашли свое отражение в статье Т.П. Ломтева «Против воинствующего индоевропеизма», где Поливанов был награжден такими эпитетами, как «непримиримый противник марксизма и воинствующий противник ленинизма вообще», а также «противник установок Сталина по поводу марксистско-ленинской теории». Квинтэссенция выступления заключалась в том, что издание «труда» Поливанова является крупной ошибкой издательства «Федерация» [7, с. 3]. Нельзя оставить без внимания и заметку на первой странице газеты «Известия» от 29 марта 1929 года под названием «Недостойное выступление филолога проф. Поливанова». Выступая от имени «советских научных кругов», автор статьи осветил выступления Е.Д. Поливанова, посвященные научным работам Н. Я. Марра, указав на то, что Марр является основоположником яфетической теории в языкознании, тесно связанной с марксистской идеологией. В соответствии с этим автор статьи выражает возмущение тем, что Поливанов назвал Марра «академиком по недораз-

умению», и тем, что Поливанов заявил об «официальном покровительстве» Марра, хотя последний «не имеет никаких языковедческих знаний». Читателям сообщалось далее, что секция научных работников заклеймила позором выступление проф. Поливанова и оттенила огромные заслуги Н. Я. Марра перед наукой и советской общественностью, задав тон последующим обсуждениям выступления Поливанова [2, с. 1]. Примечательно, что в отличие от Шпета, на странице данной газеты Поливанов был лишен возможности выступить в свою защиту.

Особое место в публикациях СМИ 1950 г. занимали статья И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» [14, с. 2] и комментарии к ней, способствующие развенчанию культа Н.Я. Марра. В [15, с. 2] была размещена программная статья Н. Никифорова под названием «Новые пути советского языкознания». В преамбуле автор с отсылкой к дискуссии в газете «Правда» указывает на огромное значение данной статьи для всех общественных наук, особенно важным представляется языкознание, в области которого необходимо преодолеть застой и выйти на новые направления. Все положения подтверждались цитатами Сталина, среди них и ставший руководством к действию путь «критики и самокритики», что впоследствии вылилось в публичные признания ученых-лингвистов в своей «ошибочной» приверженности теории Марра и ее развенчанию в ряде научных работ. Особо отмечались последствия господства этой теории, среди которых, например, отсутствие на филологических факультетах вузов учебников по языкознанию. Далее автор статьи вкратце передает основные положения программной статьи Сталина и информирует читателя об учрежденном Институте языкознания Академии наук СССР, на которого была возложена задача по изучению «языков Советского Союза и ряда зарубежных европейских языков».

На примере данной статьи мы видим постановку нескольких государственных задач, которые выполняет газетный нарратив, представляя событие (смена научной парадигмы советского языкознания) с точки зрения причинно-следственных событий, чем создается его требуемая оценка. Примечательно, что за год до этого, 7 января 1950 года «Литературная газета» опубликовала юбилейную статью, посвященную 85-летию со дня рождения Н.Я. Марра, который был награжден такими эпитетами, как «крупнейший советский ученый, основоположник материалистического учения о языке». Его концепция, как указано в статье, сыграла огромную роль в реализации национальной политики СССР. После перечисления созданных письменностей и словарей общественность была информирована о советских языковедах, развивающих научное наследие Марра, специальных сессиях, созываемых в стране в связи с 85-летием со дня его рождения и 15-летием со дня смерти. В заключении статьи сообщалось о возобновлении работы над десятилетним

изданием избранных сочинений Марра, завершение которого планировалось на 1952 г. [13, с.1].

В конце 1920-х и практически до конца 1930-х гг. центральная пресса СССР активно занималась продвижением орфографических реформ. В «Учительской газете» в октябре 1929 г. появилось требование упростить существующие правила орфографии и пунктуации. В итоге был запущен лингвистический проект, который по ряду причин так и не был реализован, причем его научное обсуждение проходило без привлечения общественности. СМИ освещали скорее формальные вопросы, например, в «Литературной газете» от 14 апреля 1930 г. в заметке «Когда будет введена новая орфография», кратко осветившей итоги Всероссийского совещания по этому вопросу, было отмечено, что установка комиссии по реформе русской орфографии признана правильной [12, с. 1].

В соответствии с дискурсивными практиками той эпохи, с открытым обращением к комиссии на страницах «Литературной газеты» выступил Ю.К. Олеша, который считал необходимым привлечение к данному проекту и писателей, которые, по его мнению, могли бы разрешить актуальные вопросы правописания «лучше, чем кто-либо». Основным аргументом для этого, Олеша считал определенную разницу взглядов у литераторов и лингвистов: «Предложения комиссии могут оказаться вполне замечательными с точки зрения фонетики, экономики, но безобразными с писательской, ведь есть еще, кроме всего, и известное только организаторам языка значение графики слова» [11, с. 3]. Далее автор сетовал на то, что Федерация писателей вынуждена принять проект «как данное свыше, как нечто предписанное в ведомственном порядке». Полагаем, что такое письмо могла быть завуалированной попыткой Федерации писателей получить статус официальных участников реформы с соответствующими привилегиями. В других заметках по этой теме мы находим в основном информацию и критические замечания, касающиеся формальных сторон реформы. Так автор заметки «Заседания идут, дело стоит» Д. Кальм отмечал, что, несмотря на 60 заседаний, подготовка реформы застопорилась, хотя изначально планировалось провести ее за один месяц [11, с. 3].

Проект орфографической реформы предусматривал определенные новации в пунктуации русского языка, для чего в Главнауке была создана особая комиссия по пунктуации. О себе она заявила в статье «Как вы ставите знаки препинания? (К работе комиссии по пунктуации при Главнауке)» [10, с. 2]. В начале работы объяснялась необходимость создания комиссии, в частности, использовались такие аргументы, как отсутствие четкой теории, разноречивой в пунктуационных правилах в школьных учебниках, в которых каждый автор на свой лад интерпретировал правила русского правописания, взятые из учебника Я.К. Грота. Новая комиссия должна была

заняться как теорией, так и практикой разработки правил пунктуации, основанной на социально-смысловой функции. Изложение основных принципов не обошлось без критики, которой подверглись как отдельные организации, например, литературные объединения, так и отдельные литераторы, названные в тексте статьи «художниками слова», которые грешили «пунктуационным произволом», пренебрегая принятыми правилами пунктуации. Автор заметки Н. Кременский также перечислил достижения комиссии, среди которых было, например, исключение ряда правил об употреблении запятой, в результате чего комиссия получила значительный «процент облегчения и экономии сравнительно с существующей практикой». В качестве перспективы работы комиссии было обозначено составление пунктуационного «свода», который после публикации должен был быть представлен для широкого обсуждения.

Помимо статей общего характера на страницах печатных изданий встречались попытки научного объяснения предстоящих реформ. Так в газете «Известия» от 10 января 1930 г. в статье «Реформа правописания» за подписью К. Бархина объяснялись фонетический и морфологический принципы орфографии, подчеркивалась особая роль комиссии по пунктуации. Здесь же было дано выразительное определение знака препинания: «очень ценное и ничем другим не заменимое графическое средство общения, пишущего с читающим: он помогает при чтении быстрее разобраться в абзаце, указывая различные грамматические и смысловые отношения между его частями и давая эмоциональную окраску фразе» [3, с. 4].

После отказа от идеи упрощения орфографии и перехода к ее упорядочиванию в СМИ появляется также целый ряд статей на эту тему. Примером является сообщение в «Правде» от 15 июня 1936 г. о совещании по орфографии в Ленинграде 14 июля, в котором указывалась его цель – уточнение правил и подготовка проекта [17, с. 3]. Другая заметка «Единая орфография и пунктуация русского языка» информировала о первом заседании правительственной комиссии по выработке единой орфографии и пунктуации русского языка с участием выдающихся лингвистов советской эпохи, в том числе С.П. Обнорского, А.С. Орлова, И.И. Мещанинова, Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы [19, с. 6]. Сообщения такого рода с указанием фамилий известных ученых также способствовали определенному просвещению широких народных масс в области языкознания. Информационные сообщения были перепечатаны сразу несколькими газетами, так в «Известиях» от 8 октября 1939 г. появилась статья «Единая орфография и пунктуация», полностью передающая содержание заметки в «Правде» [4, с. 3]. Полагаем, что в данном случае реализуется несколько дискурсивных практик, в том числе апеллирование к широкой общественности при проведении языковых преобразова-

ний и придание языковым реформам государственного статуса [5]. Еще одним проявлением дискурсивной практики советской эпохи можно считать обращение к авторитету признанных специалистов в той или иной области. Так, авторами статьи «Пора устранить разнобой в русском правописании» [18, с. 4.] являются Т. Косых – директор Московского государственного педагогического института и профессор И. Устинов – декан литературного факультета этого же института.

Приводя многочисленные примеры разнобоя в правописании и пунктуации, ученые отметили актуальность темы, утверждая, что «жизнь уже давно требует разрешения неотложных вопросов орфографии и пунктуации». Примечательно, что в качестве примеров авторы использовали учебные пособия, названные ими «скоропелыми и невежественными», так как были составлены любителями использовать выгодную конъюнктуру. Среди них – изданные в 1933 г. два учебных пособия: «Орфография, пунктуация и техника корректуры» и «Технико-орфографический словарь-справочник», а также «Словарь иностранных слов». Основным недостатком словаря было то, что иноязычные слова, которые обычно пишутся с двойной согласной, авторы предлагали писать с одной. Такого рода недостатки авторы называли «орфографическими извращениями», подобные выражения были весьма употребительны в газетном дискурсе того времени.

Необходимость упорядочивания пунктуации определялась дезориентацией педагогов из-за «халтурных и вредительских творений бездарных грамотеев». Созданные по результатам работы двух комиссий «Свод орфографических правил» и «Свод пунктуационных правил», которые были разработаны по мнению авторов «келейно, без участия учительства, работников полиграфии, представителей советской общественности» требовали серьезной доработки. Интересным представляется конец статьи. Складывается впечатление, что свою задачу авторы статьи видят в том, чтобы снять вину за сложившееся положение дел с АН СССР и переложить ее на Наркомпрос. Так, в тексте довольно подробно описывается ситуация, когда начальник управления средней школы Наркомпроса обращается к совещанию при народном комиссаре просвещения РСФСР, предлагая просить Академию наук СССР ускорить разрешение вопроса об упорядочении правописания. При этом, как отмечается в статье, начальник забыл о том, что он сам являлся председателем комиссии по упорядочению правописания.

Подводя краткие итоги, мы можем констатировать несколько интересных фактов, касающихся отражения лингвистических вопросов в газетном дискурсе:

1. Количество статей на лингвистические темы в данном типе дискурса относительно невелико и как правило, они представляют собой краткие за-

метки, которые в редких случаях размещаются на первой странице газет.

2. В большинстве случаев представлено довольно одностороннее «правильное» освещение лингвистической проблемы. При этом авторы, как правило, используют определенные клишированные выражения в духе соответствующей политической семантики.
3. Программные статьи, однако, пишутся учеными – специалистами в той или иной отрасли языкознания, что должно было повысить степень доверия к публикуемым фактам и авторитетность самого СМИ. Заметим, однако, что в основном выразителями общего мнения по тем или иным лингвистическим вопросам становятся группа определенных ученых-специалистов, таких как, например, Т. Косых и В. Устимов, которые несколько раз высказывались на страницах печати о проблемах

преподавания русского языка.

4. Учитывая влияние СМИ на население, полагаем, что даже небольшие публикации способствовали формированию у общественности определенных представлений о ситуации в языкознании, а также о необходимости и правильности принимаемых решений.
5. Довольно часто статьи являются формой замаскированной борьбы за преференции, которые коллектив ученых мог бы получить при участии в том или ином лингвистическом проекте.

Изучение темы дает довольно интересный материал для воссоздания духа эпохи, с одной стороны, а с другой – позволяет выявить типичные дискурсивные и речевые практики как его составную часть. В этой связи газетный дискурс представляется крайне важным для изучения истории языкознания отдельных периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев М.С. Внутренняя форма слова // Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы. 1928. Кн. 6. С. 3–42.
2. Известия. 1929. № 72.
3. Известия. 1930. № 10.
4. Известия. 1939. № 233.
5. Костева В.М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: Автореф. Дис. ... док. филол. наук. Пермь, 2018. 38 с.
6. Литературная газета. 1929. № 28.
7. Литературная газета. 1929. № 29.
8. Литературная газета. 1929. № 31.
9. Литературная газета. 1930. № 7.
10. Литературная газета. 1930. № 8.
11. Литературная газета. 1930. № 11.
12. Литературная газета. 1930. № 15.
13. Литературная газета. 1950. № 3.
14. Литературная газета. 1950. № 50.
15. Литературная газета. 1950. № 65.
16. Луначарский А.В. Наши задачи в области художественной литературы. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 48 с.
17. Правда. 1936. № 163.
18. Правда. 1938. № 269.
19. Правда. 1939. № 279.
20. Радченко О.А. Нарративная лингвисториография: поиски нового объективизма // Язык: теория, история, типология. М.: Ин-т языкознания РАН; УРСС, 2000. С. 124–130.
21. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

© Костева Виктория Михайловна (vmkosteva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»